

Н. В. Прасолова

**ВЛИЯНИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ НА ТЕМПОРАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ
БИНОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА**

*Работа представлена кафедрой славянской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Ю. Иванова

На темпоральную организацию биноминативных предложений болгарского языка значительное влияние оказывает тип повествовательной формы. В статье показано, что противопоставление нарративного и речевого режима интерпретации позволяет раскрыть существенные отличия в употреблении связочного глагола, которые способствуют более четкому определению семантики этой изоморфной конструкции.

Ключевые слова: биноминативные предложения, связочный глагол, лингвистика нарратива, типология повествовательных форм.

N. Prasolova

INFLUENCE OF NARRATIVE FORMS ON THE TEMPORAL ORGANISATION OF BINOMINATIVE SENTENCES IN THE BULGARIAN LANGUAGE

The type of a narrative form exercises the considerable influence on the temporal organisation of binominative sentences in the Bulgarian language. The article shows that opposition between the narrative and speech modes of interpretation makes it possible to reveal essential distinctions in usage of a copulative verb, which contribute to more accurate determination of semantics of this isomorphic construction.

Key words: binominative sentences, copulative verb, semantics of narrative discourse, typology of narrative forms.

О необходимости выделения «лингвистического» направления в изучении повествовательных форм писал еще Р. Барт: «Чтобы описать и классифицировать все бесконечное множество повествовательных текстов, нужна “теория”. <...> При этом разработка такой теории может быть в значительной степени облегчена, если с самого начала взять за образец ту модель, у которой эта теория позаимствовала свои основные понятия и принципы. На нынешнем этапе исследований представляется разумным положить в основу структурного анализа повествовательных текстов модель самой лингвистики» [4, с. 389]. Е. В. Падучева [6, с. 39–48] предложила именовать это особое направление лингвистикой нарратива.

Согласно Е. В. Падучевой, «принципиальный сдвиг в современной лингвистике, колоссальное расширение ее возможностей произошли тогда, когда лингвистика стала изучать текст, в том числе элементарный текст, единичное высказывание, в контексте коммуникативной ситуации» (курсив автора) [6, с. 41]. Учитывая характер коммуникатив-

ной ситуации, она вводит противопоставление речевого и нарративного режимов интерпретации. Речевой режим соответствует непосредственным речевым действиям говорящего, направленным подлинному адресату. Нарративный режим представляет собой неканоническую коммуникативную ситуацию, поскольку в ней отсутствует полноценный говорящий. Описываемые Е. В. Падучевой речевой и нарративный режимы интерпретации текста приблизительно соответствуют введенному Э. Бенвенистом [5, с. 284] противопоставлению плана повествования и плана речи. Соответственно, если высказывание интерпретируется в речевом режиме, то роль говорящего выполняется реальным говорящим, в то время как в нарративном режиме говорящего замещает либо один из персонажей, либо специально существующий для этой цели представитель автора – повествователь.

С опорой на тип повествователя принято выделять три повествовательные формы: две из них рассматриваются в рамках традиционного нарратива – перволичная

форма и аукториальная форма (иначе – нарратив 3-го лица); третью форму вслед за Е. В. Падучевой [6; 7] именуют свободным косвенным дискурсом, в котором роль говорящего исполняет не повествователь, а персонаж.

Рассмотрим, оказывают ли влияние выделенные повествовательные формы на темпоральную организацию биноминативных предложений (БП) в болгарском языке. Термин «биноминативные предложения» в болгарском языкознании применяется по отношению к предложениям, состоящим из двух именных групп, не имеющих показателей подчинения, т. е. предлогов и краткого определенного артикля. Особенностью БП является их изоморфность при богатых семантических возможностях: имея одинаковую структуру, они способны выражать различные семантические отношения. Пользуясь принципами установления логико-семантических отношений в предложении, выдвинутыми Н. Д. Арутюновой [1], мы выделяем четыре основных типа БП:

1) предложения именованья, в которых соединяются объект и его имя, т. е. «элемент предметного мира и элемент языкового кода» [1, с. 19];

2) предложения идентификации, устанавливающие тождество объекта самому себе посредством сличения прямого знания и предшествующего, вытекающего из прошлого опыта;

3) предложения характеристики, в которых устанавливаются отношения между объектом и его признаком;

4) предложения таксономии, устанавливающие отношения включения объекта в более широкую группу таких же объектов. (Далее цифры в скобках при примерах указывают логико-семантический тип БП в соответствии с данной нумерацией.)

Логико-семантические отношения в БП определяются референциальным анализом основных смысловых составляющих и выявлением коммуникативной структуры. Однако

без учета контекста (лексического, синтаксического и ситуативного) не всегда удастся снять омонимию формы. Представляется, что рассмотрение временных характеристик связочного глагола может способствовать выявлению семантики биноминативной модели.

Изучение связи между временными характеристиками связочного глагола и семантикой БП показало, что именно повествовательные формы оказывают значительное влияние на темпоральную организацию разных логико-семантических типов биноминативного построения. Особого внимания при анализе семантических различий заслуживает традиционный нарратив – повествовательная форма, при которой «залогом композиционной целостности текста служит сознание повествователя» [7, с. 206].

Внутри традиционного нарратива различают диегетического повествователя, принадлежащего миру текста, и экзегетического, который проявляет себя только как субъект оценок или диалогических реакций. Диегетическому повествователю, или рассказчику, соответствует перволичная форма повествования, которая «всегда указывает на наличие персонифицированного повествователя, находящегося в том же повествовательном мире, что и другие персонажи» [2, с. 345]. Экзегетическому, или имплицитному, повествователю отвечает аукториальная форма; в нарративе 3-го лица «образ автора выделен и противопоставлен всем остальным персонажам как фигура иного пространственно-временного плана» [3, с. 34].

В БП в **речевом режиме** связочный глагол обычно представлен формами настоящего времени. Надо отметить, что все логико-семантические типы БП не локализованы во времени, т. е. грамматическое настоящее время, выражающее одновременность с моментом речи, не имеет значения настоящего конкретного, или актуального, а является настоящим расширенным. Болгарский язык характеризуется экспликацией глагольного компонента в формах настоящего времени. Напр.:

(1) – *Минке – обърна се Демирев към жена си, – я ела насам! Минка се измъкна от малката вратичка на барчето, поправи косата си, поглади с ръка полата и приближи. – Това е другарят Коев. Запознайте се! Жена ми* (В. Голев).

(2) – *Аз съм се изселил от града, но баща ми е Иван Коев, учителят* (В. Голев).

(3) – *Бъди по-учтив, господин Ангеле – рече душата, – аз не съм момче, аз съм доста възрастен, както виждаш! (Е. Пелин); – Вашата жена къде беше по това време? – В съда – каза журналистът. – Тя е съдебен заседател, в тоя ден беше заета...* (П. Вежинов).

(4) – *Но ти имаи срещу верандата си вишна, а не круша – усмихна се Асен. – Все едно – въздъхна Авакум – И вишната е дърво като крушата* (А. Гуляшки).

Связочный глагол в имперфекте в речевом режиме, как правило, выражает парадигматическое значение временной формы. В предложениях именованя сообщает об имени уже несуществующего объекта: – *Ти помниш ли как се казваха квартирантите? – Нали ти рекох? Тоз, дете умря, беше Кирчо* (В. Голев) или о прежнем имени объекта: *Дядо ми беше поп. Поп Василий. И аз бях Попвасилев, пък сега съм само Василев* (В. Голев). В характеризующих предложениях сообщает об изменившихся со временем признаках объекта: – *Свириш ли оцце? – Не, – призна си Коев, – отдавна съм забравил цигулката, а с тромпет в софийските апартаменти... – Жалко, ти беше добър музикант* (В. Голев). В таксономических и идентифицирующих БП употребление имперфекта в речевом режиме зафиксировано не было.

Контекстуальное значение временной формы выражает так называемый имперфект «припоминания», характерный для БП именованя; он придает высказыванию модальное значение предположительности: *Отварям очи и ставам. Пред мене е чернокосата дама от «Копакабана». <...> – Вашето име*

беше? – Франсоаз... (Б. Райнов); *Баба Бобчовка вървеше по уличката с букет хризантеми и с вечната си торба. – Добър ден! – спря я Коев. – О, синко, ти ли си? Как ти беше името? – Марин* (В. Голев).

Употребление связочного глагола в форме будущего времени в речевом режиме обозначает проявление признака после момента речи. Данное значение реализуется в характеризующих предложениях: – *Традиционна Испания е била винаги мистичният пламък на вярата в Европа и целия свят. Тя ще бъде винаги и сабята на християнството!* (Д. Димов). Наличие форм будущего времени в именуемых предложениях представляется возможным в контексте приписывания «ролей» или «кодов», ср., например, *Ти ще бъдеш «Дауд».*

В идентифицирующих предложениях говорящий использует будущее время для выражения эпистемической модальности предположения: – *В тоя миг по дървените стълби зачаткаха ботуши, най-скорострелно, и аз тутакси разбрах, че това ще е оня от КАТ* (А. Гуляшки). В данную форму с предположительным значением может внедриться и частица *да*, усиливающая модальную семантику: – *Ти не си ли Ивановият син? <...> Коев се вгледа в повяхналото лице на стареца. – Бай Стояне! – възкликна той. – Нямаше да те позная. – Че то за познаване ли сме вече? Старецът се засмя. – Гледам те, очите те шарят по плочата. Рекох си, Марин ще да е това...* (В. Голев).

В традиционном нарративе при повествовании от лица диегетического повествователя может использоваться настоящее историческое. Как отмечают К. Н. Атарова и Г. А. Лескис, отсутствие «исторического» разрыва между временем события и временем описания этого события вытекает из физической позиции повествователя [1, с. 355]:

(1) *Влакът гърми из подземните проходи от станция до станция. <...> Монмартър... Бон Нувел... Страсбур – Сен Дени. Следващата спирка, ако може да се вярва*

на окачената във вагона схема, е **Сен Мартен**. Залавям се за вратите, готов за слизване (Б. Райнов).

(2) *Младенов ме представя едва ли не като стълб на опозицията срещу комунизма и припомня, че аз съм същият, дете съм му спасил живота* (Б. Райнов).

(3) *Едва когато се сприятелих с Младенов, мечтите ми за бягство добиха формата на реален план. Младенов е наистина знаме за част от политическата емиграция* (Б. Райнов).

В сообщениях обобщающей характеристики настоящее время употребляется вне зависимости от типа повествователя, поскольку сообщает о постоянно-длительных признаках: **Животът е нищо**. Не го ли държиши в ръце, издърваши го, като риба го изтърваши (В. Голев); Там е работата, че за човека младостта не е чисто биологично понятие (П. Вежинов).

Настоящее расширенное время в нарративном режиме используется и в придаточных предложениях (как соотносительное время):

(2) *Вярно, че бе си излежал наказание. Който имаше да му отмъщава, отмъстил му бе. То какво отмъщение? Никой не го би, не го гони в тъмни ноци, но случваше се някой съвсем непознат да го спре, да запита не е ли той Соломона от околийското и като получи отговор, да поклати глава и да рече: Мръсник!* (В. Голев).

(3) *Каза между другото, че сте соннат, но много добър човек* (П. Вежинов); Божан, наопаки, като хитър и скритен човек, уверяваше всички, че **това е лъжа**, че баща му няма нито стотинка готови пари, че тоя имот, който имат, е с пари купуван, че в тая земя са заровени те (Е. Пелин).

(4) *...когато съм видяла първото цветенце в живота си, аз просто съм знаела, че го обичам. И тогава никак не ме е интересувало как се казва то, къде расте, колко тичинки има. За мене било достатъчно, че е цвете* (П. Вежинов)

При повествовании от лица экзегетического повествователя базовым временем является прошедшее нарративное. Имперфект в своем особом нарративном значении выражает не предшествование, а синхронность настоящему времени наблюдателя [7, с. 291], т. е. является «настоящим повествователя»:

(1) *Сокола, такова беше партизанско име на секретаря, не бе се преместил в блоковете, живееше в бащината си къща, достроена и разширена, но запазила предишния си вид* (В. Голев).

(2) *На ниския плет, който делеше двора му от Ивановия, стоеше облакътен някакъв едър човек и го гледаше втренчено с широко отворени очи, които не мигаха. Еньо се спря, погледна и изтръпна от ужас. Това беше брат му* (Е. Пелин).

(3) *Милен бе съсед на бай Иван, познаваше го от дете и го тачеше като роден баща* (В. Голев).

(4) *Вадох рибата, без да съзнавам какво в действителност правя... <...> Прихванах с опитна ръка във въздуха нейното студено гладко тяло. За разлика от първата беше балканска пъстърва, с нежни розови цветчета по тъмното гръбче* (П. Вежинов).

Имперфект употребляется в значении «настоящего повествователя» и при диегетическом повествователе, если он рассказывает о прошлых по отношению к моменту речи событиях; напр. в идентифицирующем БП: – Не те виждам! – отвърнах аз. – А аз те виждам – каза тя. – Върви направо пред себе си. Гласът ѝ не беше така звънлив и ясен, както, когато бяхме там горе. И все так **това беше нейният глас**, малко задъхан, истински жив човешки глас (П. Вежинов).

В характеризующих БП формы имперфекта могут обозначать и свое парадигматическое временное значение, что обычно подчеркивают лексические маркеры в контексте, ср.: И тогава срещнах случайно баща ти. <...> **Той тогава беше директор** (В. Голев); **Маестро Фигероа бе на младини доста**

известен артист, при все че славата му не можа да излезе вън от границите на Испания като тая на Пикасо и Сулоага (Д. Димов).

Парадигматическое значение временных форм будущего времени – проявленность признака после момента речи – встречается в характеризующих БП в нарративном режиме вне зависимости от типа повествователя: *Традиционна Испания е била винаги мистичният пламък на вярата в Европа и целия свят. Тя ще бъде винаги и сабята на християнството!* (Д. Димов). Признак, который представлен как реализуемый в предстоящем по отношению к какому-то прошлому моменту, выражается в характеризующих БП формами будущего в прошедшем: *Сега тя бе стигнала най-после до истината. Занапред Луис **ще** да бъде за нея един пропаднал аристократ, едно нищожество, една кукла като маркиза на Торе Бермеха, който поне бе запазил достойнството да не стигне до криминалната тиня на живота* (Д. Димов).

В идентифицирующих предложениях будущее время связочного глагола в традиционном нарративе связано с перволичной повествовательной формой. Отметим и тот факт, что связочный глагол в форме будущего времени с основным категориальным значением представлен глаголом *бъда*, когда тематическая именная группа обозначает носителя признака: *И после Младенов очакваше, че не всички тук ще го посрещнат с цветя, че някои може би ще почувствуват кариерата си застрашена от неговото идване, и тъкмо затова ми казваше, че се нуждае от предан помощник и че този **помощник** **ще** **бъда** аз* (Б. Райнов); *...ако съжалявам за нещо, то е само, че не **аз** **ще** **бъда** **женихът*** (Б. Райнов). В речевом же режиме предположительное значение выражается будущим временем глагола *съм*.

Итак, форма связочного глагола в БП, безусловно, зависит от режима повествования – речевого или нарративного. В **речевом**

режиме во всех логико-семантических типах наиболее часто встречается настоящее расширенное время, что объясняется временной нелокализованностью тех ситуаций, которые передаются биноминативным построением. Формы имперфекта указывают на отнесенность объекта к прошлому. Лишь в именующих БП имперфект используется в значении «настоящего припоминания». Отметим, что в таксономических и идентифицирующих БП употребление имперфекта в речевом режиме не было зафиксировано в рассматриваемом материале. Употребление будущего времени в рамках речевого режима возможно в предложениях характеристики, реже в именующих и идентифицирующих. В **нарративном режиме** на темпоральную организацию БП оказывает влияние тип повествователя и, соответственно, повествовательная форма – перволичная или аукториальная. При перволичной повествовательной форме во всех логико-семантических типах БП встречается, как правило, настоящее время. При аукториальной повествовательной форме значение «настоящего повествователя» (во всех логико-семантических типах БП) передается посредством имперфекта. Парадигматическое временное значение имперфекта в нарративе было зафиксировано лишь в именующих и характеризующих БП. Будущее время связочного глагола в нарративном режиме является обычным для характеризующего логико-семантического типа (в том числе и будущее в прошедшем). В идентифицирующих БП формы будущего времени в режиме нарратива используются с модальным значением предположительности, в отличие от обычного временного значения в речевом режиме.

Как видим, только характеризующий логико-семантический тип отличается разнообразием временных форм как в речевом, так и в нарративном режимах; остальные типы предложений имеют те или иные ограничения, что, безусловно, может способствовать более точному определению семантики БП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 384 с.
2. *Атарова К. Н., Лесскис Г. А.* Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4. С. 343–356.
3. *Атарова К. Н., Лесскис Г. А.* Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 1. С. 33–46.
4. *Барт Р.* Введение в структурный анализ изучения повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387–422.
5. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
6. *Падучева Е. В.* В. В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1995. Т. 54. № 3. С. 39–48.
7. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.